— Вы искали меня. Задавали много вопросов.

Корделия остановилась в дверях ее с Роландом апартаментов. Это был незнакомый голос, но она знала кому он принадлежал, и постаралась скрыть свое удивление.

— Как вы попали сюда? — спросила она. — Вокруг нас полно различных мер безопасности.

— Они совершенно бесполезны.

Корделия повернулась и увидела фигуру в робе, стоящую у поворота, где она только что прошла. Облаченная в черное, и без опознавательных знаков отличия, лишь намек на керамику под капюшоном, да легкое свечение единственного зрительного имплантата. Такая скрытность нетипична для большинства из его вида.

— Адепт Немоникс, я полагаю?

— Леди Корделия, — сказал он, и мимо нее не прошел его уход от ответа.

— Адепт Немоникс? — снова спросила она, и почувствовала его веселье.

— Станет ли вам лучше, если я скажу "да"?

— Станет.

— Тогда, это мое нынешнее обозначение, — сказал Немоникс, увертливо, как райсанский древесный змей.

Корделия открыла дверь и пригласила его войти.

— Вы присоединитесь ко мне? Я послала за горячим отваром.

— Благодарю вас леди Корделия, я присоединюсь к вам, но боюсь, что откажусь от напитка, — сказал Немоникс.

Корделия прошла в свои скромно обставленные покои: три приемных, спальная зона и расширенная обеденное пространство. Войдя, она нажала на скрытый механизм, спрятанный в ее драгоценной повязке на шее, активируя тем самым скрытые пикторы и тайные вокс приемники, установленные в покоях личной охраной.

Чтобы не происходило между ней и Немониксом, все будет записано.

Корделия устроилась в кресле под длинной фреской. Ее цвета потускнели за столетия со дня ее создания, но она все еще производила впечатление.

— Ранние дни Вондрака, — сказал Немоникс, садясь напротив Корделии, и размещая себя в аккурат перед объективом пиктера, скрытого в бюсте давно ушедшего предка лорда Оудена. — Подобные произведения искусства можно найти в любом Имперском мире — тяжелые на символизм и идеализм, легкие на детали, которые, скорее всего, соответствовали моменту.

— Я заметила, что Механикус имеют сильное сходство в этом, — сказала Корделия. — Удел истории — служить победителям?

— Возможно, — согласился Немоникс.

— Это то, что вы надеетесь сделать с домом Кадмус? Переписать его историю?

— Я не понимаю, леди Корделия.

— Еще как понимаете, — сказала она. — Вы определенно не глупый человек, и я думаю, вы не из тех, кто попусту тратит время, из этого я смею заключить, что ваша цель здесь — это сделать мне предложение, наподобие того, что вы сделали Кассии.

— Она рассказала вам об этом?

— Как вы знаете, да.

Немоникс усмехнулся

— Да, это статистически вероятно, что она стала бы распространяться о нашей беседе. Назовите это декларацией намерений, если хотите, но нет, я здесь не для этого.

— Тогда позвольте, я скажу, что я думаю о вашем присутствии здесь?

Немоникс широко развел руки: — Пожалуйста.

— Механикус хотят вернуть дом Кадмус обратно в лоно красной планеты, и, если этого не произойдет, вы будете счастливы видеть нас уничтоженными.

Немоникс не ответил, тем не менее, Корделия не допускала мысли, что ей удалось перехитрить его.

Адепт в черной робе кивнул.

— Представим на мгновение, что вы правы, тогда, какую возможную выгоду извлечет Кадмус из сопротивления к возвращению под власть Марса?

— Рыцарские дома всегда были свободными, — сказала Корделия, борясь с гневом, вызванным непоколебимой уверенностью адепта. — С тех самых пор, когда не было ни Империума, ни Механикус, рыцарские дома существовали гордо и независимо.

Немоникс рассмеялся: — Серьезно? Это то, что вы думаете?

— Свободные от Механикус, по крайней мере.

— Вы забываете о долге, довлеющем над каждым рыцарским домом, перед слугами Бога Машины, — сказал Немоникс, осуждающе покачивая пальцем. — Без их поддержки, ваши драгоценные машины превратились бы в груду ржавого металла, тысячи лет назад.

— У нас есть Хранители.

— Тренированные Механикус, — уточнил Немоникс. — И вы чуть не потеряли их на Вердус Феррокс.

— Не без вашей помощи.

— Не понимаю, что вы имеете в виду.

— Конечно понимаете.

— Прошу, просветите меня.

— Вы впустили тиранидов внутрь, — сказала Корделия, сжимая подлокотники своего кресла. — Сборщик Текстон лично проверил каждый вход и выход из этого комплекса, и все же штольни, виадуки отходов и топливные каналы открылись без причины. Насколько тупыми вы нас считаете?

— Достаточно, чтобы объявить Механикус в умышленном саботаже, без какой-либо доказательной информации, подтверждающей столь необоснованное заявление, — сказал Немоникс.

Корделия сощурила глаза: — Это то, что вы делаете, не так ли? Вы стираете любую информацию, которую Механикус сочтут неугодной. Ваша работа заключается в совершении темных манипуляций, незаметных для окружающих. А затем, вы заставляете все это исчезнуть. Что ж, тогда я скажу вам вот что, от дома Кадмус, вам так просто не избавиться.

Немоникс подался вперед в своем кресле, сцепив руки перед собой. Корделия пыталась скрыть свое отвращение, при виде гладких, как у куклы, пальцев.

— Я могу избавиться от чего угодно, — произнес он. — Пиктер, спрятанный вами в бюсте лорда Оудена? Вы найдете собранную им информацию безвозвратно испорченной.

Немоникс покрутил пальцем над головой, подобно сержанту отделения, командующего перегруппировку: — А что на счет вокс устройств? Как неловко получилось, что они были так неосторожно настроены на гвардейскую вокс-сеть, и записывали целый час болтовни между абсолютно бестолковыми часовыми, с восточной стороны бастиона.

Немоникс поднялся на ноги и оправил свою робу, стряхивая несуществующие пылинки с плеч.

— И на вашем месте, я бы отправил заказ на отвар еще раз. Мне кажется, что ваше распоряжение случайно удалилось из служебных когитаторов.

Этот последний, мелкий жест, казался излишним.

— Я не хотел, чтобы нас беспокоили, — объяснил Немоникс, читая смущение на ее лице. — Вне зависимости от того, что я вам сказал, и что делаете вы, дом Кадмус вновь станет частью Механикус. Будет лучше для всех нас, если барон Роланд примет этот простой факт.

Корделия встала и сделала глубокий, нервный вздох. Она досчитал про себя до десяти, удерживая гнев под контролем.

— Скажите мне хотя бы вот что, — произнесла она, после некоторой паузы.

— Конечно.

— Этому Бинарному апостолу, действительно требуется возвращение? Существует ли он вообще, или Механикус послали наших мужчин на верную гибель?

Немоникс кивнул: — Святой существует, и эта миссия подлинная. Кирано и тех-совет, выдворенные с Грифона-IV, отчаянно хотят вернуть его сущность, или хотя бы то, что от него осталось.

Немоникс развернулся и направился к выходу из апартаментов.

— Вы серьезно недооценили меня, леди Корделия, — сказал он. — Никто не выиграет от разрушения дома Кадмус, но такой вопиющий факт отделения, невозможно спустить с рук. Учтите, что это ещё только цветочки, а ягодки будут впереди.

— Убирайтесь, — рявкнула Корделия. — Убирайтесь сейчас же.

— Хорошо, — сказал Немоникс. — Но спешу заверить вас, когда я говорю, что надеюсь на удачное завершение миссии вашего мужа, я говорю искренне. Я так же верю, что он примет верное решение, после благополучного возвращения в Вондрак прайм.

Гнев Корделии сменился весельем.

— В таком случае, вы абсолютно не знаете Роланда.

— Вы будете удивлены, узнав, как много я знаю, — сказал Немоникс. — Прощайте, леди Корделия. Мы больше не встретимся, и вам больше не стоит разыскивать меня. Это было бы … нежелательно.

— Вы угрожаете мне?

— Да.

Мои конечности одеревенели и не гнулись — ожидаемая слабость после недели проведенной в образе гиганта, способного разорвать боевой танк. Несмотря на холод, моя униформа пропиталась потом. Кожа горела, когда кровяные фильтры выводили оставшиеся химикаты из моей системы сосудов.

Вместе с Актисом Бардольфом, Родериком и Антонисом, я следовал за магосом Врилом через замороженные банки данных, в центре основного храмового строения. Объемное пространство наводняли сотни запуганного вида техножрецов, вместе с вереницами калькулюс логи, подключенными витками пульсирующих кабелей в медной оплетке.

Под нами, в бездонной пропасти размещались грохочущие двигатели, а над нами, под самым потолком висели катушечные генераторы. Гейзеры теплого, маслянистого пара, клубами поднимались снизу-вверх. Трескучие арки электричества прыгали между титаническими машинами.

— Так и должно быть? — спросил Антонис, перегнувшись через перила.

— Информация [пояснение]: нет, сир Антонис из дома Кадмус, так в высшей степени быть не должно, — ответил Врил, работая с рядами управляющих планшетов с осанкой человека, потратившего в общей сложности слишком много времени над изучением технических наук. — То, что вы видите, является физическим воплощением древнего разума, стремящегося к самоликвидации.

— Вы можете остановить этот процесс? — спросил Уильям.

Врил остановил свои манипуляции, и повернулся лицом к Уильяму. Лицо магоса было поделено на четыре различные механические секции, походя на геральдические пластины рыцарей. Два верхних сегмента из бронзы и железа, нижние же из золота и начищенного олова. Каждая четверть имела какого-либо рода имплантат; окуляр ли, обонятельный или голосовой, разобрать что из них что, было невозможно.

— Сир Уильям из дома Кадмус, работа зашифрованных энграмных записей, загадка для всех, кроме самого Омнисии, головокружительно более сложная, чем ваши мясные мозги и гораздо более эффективная. Чтобы выживать столь долгое время, Бинарный апостол был вынужден эволюционировать в сингулярное существо, механизм существования которого, находится за пределами вашего немощного понимания.

— И вашего, судя во всему, тоже, — парировал Уильям, всегда готовый к возражению.

— У него есть имя? — спросил Родерик.

— «Он» ли это вообще? — вставил Бардольф.

Врил, чрезвычайно возмущенный такими вопросами, захлопал руками как какая-нибудь сутулая, нелетающая птица.

— Да, у Бинарного апостола есть имя, но мы не знаем какое оно, — сказал Врил, затем, явно из редкой щедрости на информацию, добавил: — возможно, он и сам его не знает.

Прежде чем кто-либо еще попытался подразнить магоса, я поспешил вернуться к насущным проблемам.

— Вы сказали самоликвидация, — сказал я. — Святой умирает?

— Барон Роланд из дома Кадмус, — произнес Врил, как будто только что подтвердил мою личность. — Бинарный апостол поддерживает бран-щит, который, как вы уже знаете, сохраняет нам жизнь, но усилия, уходящие на это, разрушают его.

— Я никогда не слышал о бран-щитах, — сказал я.

— Я бы удивился, если бы вы знали, — сказал он, поднимая руку, предвосхищая ответ на потенциальную попытку оскорбить мой интеллект. — Это невероятно древняя техномагия, основанная на понимании М-теории. Обладаете ли вы подобными знаниями, барон Роланд?

— Нет, но я быстро учусь.

Врил задумался, без сомнений, он пытался сообразить, как ему объяснить что-то сложное

человеку, считающего себя умственного выше нормы.

— Основное представление заключается в том, что наша видимая четырехмерная вселенная заключена в брану, своеобразную мембрану, внутри многомерного пространства, — начал он, и я сразу почувствовал, как отпала всякая надежда на понимание. — Теоретически бесконечное множество измерений, потенциально бесконечного размера, занимают другие браны, что в следствии, может означать бессчетное число альтернативных реальностей, пересекающихся с нашей, способом, который мы не можем даже вообразить, в рамках любой из существующих ныне космологических моделей.

Тишина последовавшая за его «объяснением», сказала ему все, что нужно было знать о том, как много мы знаем.

— Так значит, бран-щит перемещает нас из браны в которой существует наша вселенная, в другую, — сказал Антонис. — Но, создает ли он новую брану, или перемещает в уже существующую?

Все удивленно посмотрели на Антониса, и он пожал плечами.

— У меня теперь уйма времени для чтения, — объяснил он, и я было почти рассмеялся, но тут же вспомнил, почему у него есть время для чтения.

Адепт Врил благосклонно постарался звучать впечатленным, когда сказал: — Простой способ интерпретации сложной теории, но в сущности верный. И, отвечая на ваш вопрос: генератор щита перемещает нас в ближайшую незанятую брану, еще не создавшую свою собственную, внутреннюю вселенную. Там мы пребываем в превосходной изоляции. Ничто не может взаимодействовать с нами, так же и мы не может взаимодействовать ни с чем за пределами границ щита, до тех пор, пока его деактивация не вернет нас в изначальную точку.

— Теперь я вижу, почему Механикус хотят вернуть Бинарного апостола, — сказал Актис Бардольф.

— Именно, — сказал Врил.

— Как скоро вы сможете отцепить коллектор от этого храма? — спросил я, возвращаясь к делу.

Пауза между моим вопросом и ответом Врила, не то, что я надеялся услышать.

— Апостол обитал в этом храме в течении тысячелетий, отделить его будет совсем не просто, — сказал Врил. — Как и все мы, апостол недоверчив к переменам, так же нету гарантий, что все без исключения энграммы, выживут после такого разрыва.

— В таком случае, мы больше не смеем отвлекать вас, магос Врил, — сказал я. — Работайте так

быстро, как только можете, и сообщите мне, когда будете готовы к перемещению коллектора. Поторопитесь, если хотите сохранить его.

Наши доспехи неподвижно стояли на круглой площадке внутреннего двора позади храма, словно сверхчеловеческие гиганты на парадном плацу. Странные огни отражались от их изогнутых пластин, отражение, напоминающее воду под ледяной коркой.

После описанного магосом Врилом способа, как мы остаемся вне досягаемости тиранидов в пределах храма, все что я делал — это сопротивлялся взгляду на раздражающее небо, как теперь стало известно, не являющееся частью моей вселенной.

Рабочие столы, привлеченные из кузницы, разместились по всему двору. Воины из обоих домов смешались, и разговаривали за общей трапезой.

Как оказалось, мы не единственные, кто нашел здесь убежище.

Близлежащая схола нашла спасение в стенах храма-кузницы. Предположительно сотня прогена и несколько инструкторов, насилу выселенных из своих бараков, находились здесь вместе с нами. Они расположились на противоположной стороне двора, новобранцы с открытыми ртами таращились на наши доспехи.

Как только мы покинули внутренние помещения храма, закаленный ветеран поспешил представиться мощным рукопожатием и энергичным салютом.

— Раюм Бартаум, аббат-инструктор из схолы Викара, сир рыцарь. Наши прогена и я, в вашем распоряжении, — сказал он, и я принял его заявление с подобающей честью.

Все оставшееся время, Бартаум и его сотоварищи инструкторы безжалостно муштровали свои отделения, с тем немногим оружием, что у них осталось. Все понимали, что они не выживут по дороге к Вондрак прайм, но говорить об этом не решались.

Передо мной расположились оловянная кружка воды, обогащенная электролитом, тарелка, с предположительно высококалорийным ужином из сладких питательных батончиков, и некий суп, приправленный медленнодействующими стимуляторами.

Мне понадобиться все это, чтобы вернуться к нашему походу.

Актис Бардольф сидел напротив меня, усталый и бледный, отражение моего собственного состояния. Мое изначально низкое мнение о Хоукшрауд изменилось в лучшую сторону. Я видел Бардольфа и его рыцарей в действии, и знаю теперь, что на них можно рассчитывать.

— Видели ли вы Вольного клинка? — спросил Бардольф.

— Нет, — ответил я. — С тех пор как он провел нас внутрь. Как вы узнали, что он Вольный клинок?

— Кем еще он может быть?

Я пожал плечами.

— Последний из своего дома, или одинокий выживший, как один из ваших Присягнувших.

Бардольф покачал головой.

— Геральдика в виде единорога? Ее нет среди больших домов, нет и среди малых.

— Возможно, он принадлежит к неизвестному вам дому.

Бардольф усмехнулся.

— Если я не знаю о каком-то доме, это значит, что он не существует. Поверьте, я знаю свои дома.

Скажи это кто-либо другой, я бы истолковал этот комментарий как заносчивое хвастовство, но из того немного, что я узнал о Актисе Бардольфе, можно судить, что такая черта характера ему не свойственна.

— Из какого тогда он дома, как вы думаете?

— Невозможно узнать, — сказал Бардольф. — В этом и заключается весь смысл Вольных клинков, не так ли? Тайна.

Послышался тяжелый лязг измученного метала, в котором я узнал поврежденного рыцаря. Я повернулся от своей еды, когда, хромая фигура Вольного клинка вышла на открытое пространство двора. Все прогена разом прекратили свои тренировки, пока инструкторы криками не заставили их продолжать.

С плечевой пластины свисал потрепанный флаг с единорогом. Броня Вольного клинка представляла плачевное зрелище. Коррозийные ожоги обнажили множество внутренних механизмов, некоторые движущие части его правой ноги сварились в одно целое, из-за чего его доспех качался при ходьбе, неловко переставляя ноги.

Рыцарь с грохотом остановился посреди двора перед нами.

Вольные клинки печально известны своей непредсказуемостью. Они несомненно благородные, все еще верные рыцарским добродетелям, но следующие обособленным путем. Что бы не подвигло этого рыцаря идти одинокой дорогой, отрешиться от всяких связей с друзьями и родными, ведет его к ему одному известной цели.

Я испытал мимолетный испуг, при виде мощи и величия возвышающегося над нами рыцаря. Одно дело пилотировать такой великолепный доспех, другое видеть его нависающим над тобой с заряженным оружием.

— Я Теллурус, — произнес рыцарь, явно искусственно сгенерированным голосом, прозвучавшим из вокс решетки, спрятанной под головной секцией доспеха. — Имею ли я великую честь, обращаться к барону Роланду из дома Кадмус и виконту Бардольфу из дома Хоукшрауд?

— Да, имеете, — сказал я, смотря на Бардольфа, подняв одну бровь.

— Что? — отозвался он на мой бессловесный вопрос. — Я говорил вам что я не лорд.

Я снова взглянул на морозно-синего рыцаря и сказал: — Вы не будете говорить с нами лицом к лицу, сир Теллурус? Даже если вы желаете остаться соединенным с броней, откройте хотя бы кабину, чтобы мы могли беседовать как подобает мужчинам.

— Я не стану, барон Роланд, — ответил Вольный клинок.

— Такое поведение не достойно мужчины.

— Безусловно, но я не желал оскорбить вас, — ответил Теллурус. — Я поклялся говорить, лишь закованным в броню.

Я обменялся взглядами с Бардольфом. Те несколько Вольных клинков, что я встречал, все были по-настоящему индивидуальны, все имели свои причуды и недостатки. С чего тогда Теллурусу быть другим?

— Очень хорошо, — сказал я, смиряясь с тщеславием Теллуруса. — Какую службу мы можем сослужить вам сир Теллурус?

— Как долго вы пробыли в Вондраке?

— Дом Кадмус прибыл совсем недавно, — сказал я.

— Дом Хоукшрауд пробыл в местах военных действий около двух месяцев.

Теллурус повернул голову в сторону Бардольфа, по-видимому считая, что проведенное мной время незначительно.

— Скажите мне, виконт Бардольф, во время ваших сражений с порождениями флота улья Гидра, становились ли вы свидетелем его величайшей мерзости — матери выводка тервигон с красными и лазурным пластинами на спине и черепом цвета полированной кости?

Теллурус поднял свой «Жнец», и я заметил, что множества зазубренных шипов не хватает.

— Этот монстр носит великую рану, с одной стороны. Достаточно глубокую, чтобы задержать металл от этого клинка в своей экзоброне. Скажите мне, сир Бардольф, видели ли вы это чудовище?

Бардольф взглянул на меня, и я потряс головой.

— Нам не доводилось встречать ее, сир Теллурус. Как я понял, ваши пути пересекались раньше?

— Однажды, — сказал Теллурус. — Когда она убила мою семью, и уничтожила мой дом.

Даже в сгенерированном машиной голосе, слышалась его глубокая боль.

— Вы последовали за зверем в Вондрак? — спросил я.

— Да, — подтвердил Теллурус. — Рапорты о Гидранском тервигоне совпадающие по описаниям с моим, привели меня в Викару, но зверь хитер, и до сих пор ускользал от меня. Прежде, чем я мог последовать слухам о свежих свидетельствах, я был заточен в храме-кузнице магоса Врила.

Я встал и указал на многочисленные пробоины в его броне.

— Вы побывали в ужасных сражениях, преследуя вашего тервигона. Неужели никто из техножрецов, не может позаботиться о вашей броне?

— Нет! — резко ответил Теллурус. — У меня есть свои избранные Хранители, но они остались под защитой Вондрак прайм. Им, и только им позволено ухаживать за моей броней.

Несмотря на трагичную судьбу, упрямство Вольного клинка начало меня раздражать. Я вернулся свое место.

— Мы не видели вашего зверя, — сказал я. — Есть еще что-то, что вам от нас нужно?

— Магосу Врилу успешно удалось заключить последние энграммы Бинарного апостола, внутрь коллектора, — сообщил Теллурус. — Мы покинем этот храм в течении часа.

— Ты уверена, что все прошло как надо? — спросил Малкольм, проходя гулким помещением, в котором ремонтировались рыцари Кадмус. — Никаких ошибок, мне нужна абсолютная, черт ее дери уверенность. Ты понимаешь это?

— Конечно, Малкольм, — ответила Кассия, засовывая свой дневник обратно в заплечную сумку.

Шум ремонтного ангара затопил их голоса. Под прикрытием гремящих кузнечных молотов, клепальных пистолетов и искрящихся сварочных аппаратов, они могли говорить не боясь, что их услышит кто-то еще.

— Что ты сказала Корделии?

— Именно то, что ты и велел, — промолвила Кассия. — Сказала ей так, как будто говорила тому адепту что ты никогда не выступишь против Роланда.

— Отлично, — сказала Малкольм, хищно улыбаясь.

Я не претендую на понимание техномагии бран-щита, но наблюдая его в действии, как будто начинаешь понимаешь его работу на интуитивном уровне.

Его внешние границы отмечены все тем же подводным туманом, тот же пустынный мираж по ту сторону, но с одним решающим отличием. Снаружи мы видели статичное изображение храма-кузницы, какой она был на момент активации щита. Изнутри же, мы видим тиранидов, призрачными фантомами плывущих среди нас.

Звери неосязаемы для нас, несущественны как туман. Они двигаются среди нас как отражения на спокойной воде, отделенные бесконечно малыми нитями межпространственной мембраны.

Мои рыцаря и рыцари из Хоукшрауд стоят перед огромными, извергающими дым трубами храма-кузницы. Как Магна Прецептор, я стою во главе боевого формирования «копье», с Актисом Бардольфом по правую руку и Вольным клинком по левую.

Наши тени причудливо танцевали перед нами, отбрасываемые яркими копьями света, пульсирующего из каждого отверстия храма, каждой вспышкой отмеряя минуты своего существования. Его регулирующие системы отказывали одна за другой. Храм-кузница Механикус — это в основном управляемый реактор, подобный тем что толкают звездолеты через бездну. Только постоянные ритуалы обслуживания и бесконечные калибровки поддерживали его работу.

По приказу Врила, этот контроль был прекращен.

В течении часа, храм-кузница прекратит существовать.

Как и все вокруг в радиусе двух километров.

Врила опечалила потеря храма, но его практичная сторона понимала, что спасение малой части информации лучше, чем потеря всей.

Специализированный под нужды Механикус, «Капитол Империалис», выбрасывал дым с верхних площадок, укрыв в своих обширных внутренностях техножрецов, лексмехаников и калькулюс логи. Они несли распределенный между ними информационный груз храмовых запоминающих устройств. Защита медлительного «Капитол Империалис» не самое желанное бремя, но это единственный транспорт, реактор которого способен питать коллекторное устройство, содержащее Бинарного апостола в течении всего похода до Вондрак прайм.

На вершине носовой секции исполина размещалась гигантская пушка размером с дворцовый купол. Выдающаяся вперед часть орудия — чудовищный ствол макроорудия. Иногда ее называют орудием судного дня. Одним единственным выстрелом она способна свалить с ног титана, и наказывать звездные корабли, дерзнувшие спуститься слишком низко.

Беженцы из схолы Викара погрузившись в разношерстные транспорты, построились вокруг «Капитол Империалис». Основу их эшелона составляли уязвимые, тонкостенные грузоперевозчики с открытым верхом.

Раюм Бартаум, замеченный ранее в шаманстве с двигателями супертяжелых машин Имперской гвардии, перегрузил двигатели транспортов, надеясь выжать немного дополнительной скорости. Магос Врил сделал вид, что не заметил его нарушений.

Не важно, как быстро они смогут двигаться, большинство, или даже все, будут мертвы еще до того, как мы достигнем гор.

— Мы готовы? — спросил я Бардольфа и Теллуруса.

Рыцари Хоукшрауд присели и расправили плечи.

— Как и всегда.

Вольный клинок поднял свое лезвие, и его зубцы начали вращаться вокруг рубящей кромки. Они шли медленно, как будто изо всех сил пытались набрать скорость.

— Я готов, — сказал Теллурус.

Грязный дым шел из выхлопного отверстия его реактора, пачкая герб с единорогом разноцветными маслянистыми отходами. Гидравлическая жидкость толчками текла из топливных линий на плечах и ногах. Будь Теллурус из дома Кадмус, я бы не задумываясь отправил его обратно в Запредельное хранилище, но он Вольный клинок, никто над ним не властен.

Он погибнет сегодня, и я не обесчещу его решимость, просьбой покинуть свои доспехи.

— Магос Врил? — произнес я. — Инициируйте отключение.

Планшет передо мной шипел от статики, затем голос Врила возник из вокса. Даже понимая всю необходимость того, что он должен сделать, это было тяжелым решением для него.

— Подтверждение: инициирую.

На противоположной стороне храма-кузницы, начали свой марш легкий транспорт с прицепом из собрания заводских тележек для переработки и группа транспортировщиков руды. Ведомая храмовыми сервиторами, более сотни единиц такой техники с грохотом ехала на ту сторону щита.

Я сразу понял, когда конвой из сервиторов пересек его. Призраки гаунтов и более крупных зверей подняли головы в едином движении, и неслышно огласили пространство широко разинув пасть. Придя в движение, они напоминали мне океанические волны, столь же синхронные и плавные.

Скачущая масса роилась и текла, вокруг и через здание храма, но мы смещены за пределы их досягаемости. Они не видят, и даже не знают о нашем существовании.

Я ощущал нетерпеливое томление духов прежних пилотов брони.

Я ждал, давая рою полностью проглотить наживку из сервиторов. Прямо сейчас, звери разрывают транспортники и расправляются с сервиторами. Лишь несколько из них обладают достаточной автономностью, чтобы дать отпор, остальная же часть не имеет воли, даже чтоб поднять руку для собственной защиты.

Их жертва послужит великой цели.

Серия взрывов на верхних уровнях храма помогла мне решиться. Земля задрожала под ногами, в тот момент, когда погребенные реакторы начали расплавляться.

— Рыцари Империума, — возгласил я. — Вперед!

Испытание

Корделия шла со сборщиком Текстоном через восстановительные работы Вердус Феррокс. Грузоподъемники, карго-8 и плоскокузовные тягачи доставляли недавно выкованную сталь и адамантий, снабжая мощных сервиторов и строительные машины Механикус материалом для восстановления ущерба, нанесенного Малкольмом и авангардом чужеродных организмов.

Лицо сборщика выражало глубокое недоумение, и Корделия хотела верить, что ее умение писать, ничуть не хуже ораторского мастерства. Она ждала, пока Текстон не прочитал ее записку три раза подряд, прежде чем заговорить

— Вы понимаете, что я прошу?

— Не совсем, моя леди, — сказал глава Хранителей дома Кадмус. — И не знаю, хочу ли я.

Обритый наголо, снабженный самой основной аугметикой, Текстон все еще был больше человеком, чем Механикус. Слуга дома Кадмус, он все же выходец из Марсианского жречества, просить его о чем-либо было рискованно.

Но то был риск, на который стоит идти.

Уже давно не секрет, что Механикус настраивают Хранителей шпионить для них. Но несмотря на обширные знания, лорды красной планеты провалились в попытках понять связи преданности, между рыцарем и тем, кто заботиться о его доспехах. Ближе, чем древний кавалер и его сквайр, рыцарь и его избранный хранитель, связаны через броню и делят истории тех, кто носил ее. Даже если Хранитель никогда не увидит и одного реального сражения, он сможет пережить тысячи в снах соединения.

— Вы поняли, что вы не можете просто найти это, вы должны найти его отсутствие, — сказала она, отходя с дороги пары подъемных сервиторов, прогрохотавших на поршневых ногах. Они несли арматурные стойки для виадуков, разрушенные орудием Малкольма.

— Я должен искать то, чего нет?

— Именно.

— Тогда где мне начать?

Корделия остановилась и указала на высокий сборочный бокс, чьи оснастка и сборочные леса ожидают военную машину, которая никогда не придет.

— Вы видите сборочный бокс вон там? — спросила она.

— Конечно.

— Теперь, если я скажу, что прямо сейчас, там стоит титан класса «Разбойник», и когда вам не удастся его увидеть, будет ли это достаточной причиной думать, что там нету «Разбойника», так?

— Очевидно.

— Но, если я скажу, что там была, например, песчинка в боксе, и когда вам не удастся ее обнаружить, не обязательно означает, что там ее и не было.

— Отсутствие доказательств, не доказательство отсутствия, — изрек Текстон. — Я знаком с «путями исключения», леди Корделия.

— Ну конечно мой дорогой Текстон, — продолжала Корделия. — Важнейшая разница межу этими двумя сценариями заключается в том, что в одном не обязательно второе, можно ожидать увидеть свидетельства существования, если, по факту оно существует.

Текстон снова посмотрел на записку. Корделия могла видеть его желание высказать вопрос вслух.

Она потрясла головой: — Ищите то, чего нет.

И свет понимания разгладил хмурые черты лица Текстона.

— О, ну конечно, я понял! Это как найти планету в удаленной галактике, ту, что не доступна для традиционного межгалактического ауспика, но о существовании которой мы знаем по степени блокируемого света своей звезды при прохождении перед ней, или же в вариациях орбитальных периодов ближайших небесных тел.

Корделия кивнула, хотя она ничего не поняла из того, что только что произнес Текстон.

— Вы сможете сделать это? — спросила она.

— Да, — ответил Текстон. — Думаю, что да.

— Тогда сделайте, — сказала она. — И побыстрее.

Я не видел, как пали первые мои рыцари, но я почувствовал это.

Их смерти ранили меня как ножевые удары в кишки. Монтейль и Крейг. Их биосигналы просто

исчезли с моего дисплея, но останавливаться было некогда.

Нет времени для скорби.

Либо мы продолжим путь, либо умрем.

Две дюжины рыцарей — внушительная сила. Стремительная атака Кадмус пробила брешь в столпившихся тварях на этом фланге храма-кузницы. Многих привлек жертвенный конвой из сервиторов, но все же не всех.

Боевые орудия Кадмус и термальные копья врезались в рой существ, прорубая путь для остальных. Пульсирующие удары перегретых копий и сотрясающие детонации пробивали путь к горам.

Если бы отступали одни только рыцари, я бы оценил наши шансы на успех как высокие. Но, среди нас не только рыцари, кто ищет спасения из Викары. Для транспорта такого монструозного размера, «Капитол Империалис» двигался довольно быстро. Меня ужаснула мысль, в какие условия Врил поставил свою инженерную команду, чтобы так его разогнать.

Со всей своей скоростью, он до сих пор недостаточно быстр.

По крайней мере, тысяча гаунтов осаждала его. Огнем защитных болтеров он отбрасывал их от бортов, и держал на расстоянии. Хоукшрауд занимались защитой «Капитол Империалис». Рыцари Бардольфа окружили неуклюжий транспорт своими корпусами, прикрывая фланги пустотными щитами доспехов. Отстреливая бесконечные толпы скачущих существ, пытающихся взобраться на подобные утесам стены транспорта.

Ураганный огонь стабберов размалывал существ, бросающихся под траки транспорта. «Жнецы» срезали тех, кто карабкался по стенам. Я знаю, что им не остановить всех. Большее, на что они могут надеется — это остановить как можно больше.

Я повернул голову и увидел тысячи ксено-тварей, каких угодно форм: от меньших, с крючковатыми конечностями, до громоздких существ с гигантскими крабовидными челюстями и кипящей в них биоплазмой. Мой ауспик уже не справлялся с регистрацией столь многочисленного роя враждебных существ, идущими по наши души.

Обезьяноподобные ужасы с сочащимися отверстиями на зазубренных спинах, изрыгали струи органической материи. Кожаные мешки полные кислотой или ядом такой силы, что одной капли, распыленной в воздухе, хватит, чтобы убить нас всех.

Мы перехватили нескольких огнем стабберов. Они взрывались, недолетая до нас, орошая землю токсичным дождем, но их был слишком много.

Прогена схолы Викара, вооруженные винтовками, пистолетами и мечами, сражались с бортов своих хлипких машин. Оружие столь крохотное и неэффективное, что у меня захватило дух от того, как эти люди все еще сражались.

Их бесконечная храбрость заставила меня устыдиться.

Три из их транспортов уже кишели монстрами, превратившись в пылающие обломки всего за сотни ярдов после начала пути до городских стен. «Карго-8» перевернулся в кипящем взрыве изумрудно-зеленой биоплазмы.

Горящие тела сыпались из заднего борта. Я не мог слышать их крики, за что был благодарен. Я слышал, как умирают люди, когда тиранидский яд пожирает их, и не хотел бы услышать это вновь.

Мясистый мешок со спорами взорвался надо мной. Я накрылся щитом, в тот момент, когда куски его останков кислотным облаком распылились в воздухе, и стиснул зубы от боли, когда кислота начала въедаться в мои плечи.

Еще один рыцарь пал. Раберт, воин благородного происхождения, родом одной из древнейших семей Райсы. Его супруга Валери осталась одна с ребенком на руках, ее потеря — тяжелый удар, как для нее, так и для всего Кадмус. В отличии Монтейля и Крейга, смерть Раберта я видел. Кислота выела каленный сустав его доспехов, но даже обездвиженный он продолжал стрелять и разить «Жнецом».

Одна из крупных тварей перехватила его. Она раздробила ему плечо, ударом огромной зазубренной пасти, оторвав его с легкостью, с какой я бы мог разрубить мутанта Райсы. Оно исторгло кипящую биоплазму в лицо Раберта. Последовавшие конвульсивные сокращения, потрясшие всю его броню, сказали мне о его предсмертной агонии.

Другие звери опрокинули его вниз, и его корпус тут же покрыли чужеродные тела. Конечности-лезвия рубили и кромсали его доспех, в попытках добраться до плоти внутри.

Снаряд моей боевой пушки поглотил кричащих убийц Раберта. Сейчас я не могу оплакать его, но могу за него отомстить.

Впереди, группа тварей показалась из-за крошева обугленных блоков и вывернутых стальных конструкций, бывших когда-то бункером у внешней стены Викары.

Уже сейчас, я видел, что нам не совладать со всеми.

Я приготовил боевое орудие для стрельбы, но прежде чем я успел сделать хотя бы один выстрел, как нечто неимоверно громкое и ослепляющее ярко перегрузило мои авто-чувства и вырубило их на несколько мгновений.

Рой передо мной растворился в стене огня, с сейсмическим громовым хлопком.

Ударная волна пошатнула меня.

Меня бросило на ближайшую стену, гиро-стабилизаторы напряглись, стараясь удержать меня прямо. Огонь и дым грибом поднялись от титанической детонации.

Пять сотен метров городской стены исчезли, забрав с собой весь рой, преграждавший нам путь. Образовавшийся в скале кратер, опаленный до состояния стекла — все, что осталось после кошмарного удара.

Только одно оружие способно причинить такой урон.

— Путь впереди чист, — сообщил Врил. — Можете не благодарить.

Я незамедлительно воспользовался преимуществом, обеспеченным пушкой «Капитол Империалис». Я ускорил темп марша, пробираясь сквозь бушующие термальные вихри, сопровождающий их клубящийся дым и низкочастотные электромагнитные импульсы.

Ауспик шумел от помех, пока я не вышел из эпицентра удара.

На горизонте показались зазубренные пики гор, словно волны камня разбивались о небесный берег, в трех километрах от нас.

Так близко, что я почти что мог дотронуться до них.

«Капитол Империалис» перебрался через выжженную его орудием пустыню.

Рыцари Хоукшрауд держались поблизости, как если бы это была скотина из стада, охраняемая от хищных стай. Грузовики и «карго-8» схолы скакали по расколотому ландшафту. Я ужаснулся при мысли, какую боль должно быть они испытывают, проезжая через огненный шторм, учиненный макроорудием.

Звери не преследовали нас. Распад контроля сверхразума? Или животный инстинкт, заставивший их бояться гнева макроорудия?

Не пройдет много времени, прежде, чем сокрушающая воля разума улья оправиться, и страх сменит слепая ярость.

Но в это время мы будем бежать.

Немоникс сидел, скрестив ноги в своей непримечательной, изолированной от всей информации клетке, в самом сердце храма-кузницы. Мириады собранных данных обеспечивали его десятками тысяч часов вокса, и вдвое большим количеством пикт материалов. Все распределялось по сотням изолированных экранов инфопланшетов, разбросанных по полу клетки.

Специализированные нейро-аугментации обрабатывали уйму информации за то время, которое уходило лишь на один ифнопланшет при обычных условиях.

Секретов, собранных со всего Вондрака хватит Немониксу, чтобы низложить планетарную знать сотни раз подряд, шантажировать дюжину офицеров гвардии и навеки очернить имена заслуженных космических десантников.

Ничего из этого не интересовало Немоникса.

Только Кадмус имел значение.

Его гамбит направленный на убийство их Хранителей с помощью вторжения авангарда организмов на Вердус Феррокс — поставить их таким образом на колени перед Марсом, или же обречь на медленное вымирание через повреждение и устаревание — провалился, но за последние несколько дней он усвоил главную особенность внутренней политики рыцарских домов.

Недостаточно, чтобы сразу склонить их к Механикус, но Немоникс вел затяжную игру. Лишенный смертных тягот плоти, он располагал достаточным терпением, чтобы ждать.

Голограмма его бывшего "я", беспокойно расхаживала вокруг него, изображая лишь иллюзию эмоций. Она не способна на скуку, как и на необходимость показывать незаинтересованность.

— Я хочу, чтобы ты прекратил это, — сказал он.

— Почему мы все еще здесь? — взмолилась голограмма. — Малкольм уже у нас на крючке, и это лишь вопрос времени, когда он бросит вызов Роланду. А с помощью технологий ты сможешь доказать его несомненное мастерство как лидера дома Кадмус.

— Я хочу быть уверен, — ответил Немоникс.

— Насколько еще ты можешь быть уверен? — сказала голограмма. — Ты слышал его разговор в ремонтном ангаре. Его жена уже солгала леди Корделии. Ты ясно видел его неприкрытые амбиции. Дело сделано.

— Мне нужно быть уверенным, — повторил Немоникс.

— Тогда не пускай Роланда, или кого-то из его рыцарей обратно в город, — предложила голограмма, остановившись прямо перед ним. — Захвати контроль над орудиями Руканаа и расстреляй их прежде, чем они пересекут границы стен. Обвини неисправность, мусорный код, что угодно. Тебе нужна уверенность? Вот она.

Немоникс поднял взгляд от сотен экранов.

— Знаешь, иногда я забываю каким жестоким человеком я когда-то был.

http://tl.rulate.ru/book/30591/666223